

сомнѣній, ни колебаній не стало. Наступило то время, когда математикъ принимается за исполненіе задачи, рѣшеніе которой уже созрѣло въ его головѣ. Но, несмотря на то, что „все было рѣшено безповоротно“, рѣшимости окончательной еще не было; твердостью и смѣлостью характера Позднышевъ не отличался. Прояхдя дѣтской, онъ взглянула на спящіцъ дѣтей, и въ немъ проснулась вдругъ жалость къ себѣ и своей поруганной чести, къ своему положенію обманутаго мужа, проснулась и разлилась по сердцу. Герой убѣжалъ къ себѣ въ кабинетъ и зарыдалъ какъ ребенокъ. Онъ, Позднышевъ, оскорблена, поражена, уничтожена, убитъ... „Я—честный человѣкъ,—декламировалъ Позднышевъ у себя въ кабинетѣ,— я—сынъ своихъ родителей, я—всю жизнь мечтавшій о счастіи семейной жизни, я—мужчина, никогда не измѣнявшій ей... И вотъ пять человѣкъ дѣтей, и она обнимаетъ музыканта, оттого что у него красные губы!“ И этого опять стало довольно, чтобы поднять звѣря, и на этотъ разъ обманутый мужъ уже „вступилъ въ состояніе звѣря или человѣка подъ влияніемъ физического возбужденія во время опасности, когда человѣкъ дѣйствуетъ точно, неторопливо, но и не теряя ни минуты и все только съ одной опредѣленною цѣлью“. И какъ только это случилось, остальное все попло механически — тихо, спокойно, безсознательно. Онъ снялъ сапоги и остался въ носкахъ, затѣмъ, какъ весьма обыкновенную вещь и въ обыкновенное, прозаическое время, взялъ со стѣны кривой дамасскій кинжалъ, причемъ, когда ножны отъ него завалились за диванъ, подумалъ о томъ, какъ бы потомъ не забыть вытащить ихъ. Подкравшись тихо, онъ вдругъ отворилъ дверь. При появлѣніи своемъ въ залѣ, Позднышевъ не потерялъ присутствія духа и не лишился разсудка,—напротивъ, употребилъ въ дѣло всю свою наблюдательность. Онъ не хотѣлъ пропустить и не пропускалъ ни одного выраженія на ихъ физіономіяхъ, ни одного жеста. Никогда не забыть ему выраженія отчаяннаго ужаса, которое выступило въ первую секунду на обоихъ ихъ лицахъ, когда они увидали блѣднаго, босоногаго, несчастнаго супруга. Но больше всего героя интересовала она: на ея лицѣ было тоже выраженіе ужаса, но съ нимъ вмѣстѣ было и другое. И небудь этого другого, смыслъ котораго онъ понялъ скоро, то, можетъ быть, такъ